

УДК 82:7

ТРАДИЦИИ МОТИВА СВЯЩЕННОГО ДЕРЕВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РУСТЕМА КУТУЯ

М.В. Небольсина, кандидат филологических наук

Образ священного дерева пронизывает все виды искусства и культуры древности, выступая как центральный образ мироздания, связывающий веками человеческие поколения и поддерживающий непрерывные традиции.

Трудно назвать хотя бы один период развития культуры, где бы ни встречалась эта тема. Известно, что уже во французской пещере Ляско (XV тыс. до н.э.), в так называемой Шахте мертвеца, присутствует дерево: в сцене смертельно раненного быком человека появляется его изображение – как тоненькой вертикальной веточкой, на которой сидит птица. Этот факт заставляет думать, что дерево участвует в ритуале воскрешения умершего и проникло в искусство из реальной жизни.

Самое распространенное изображение дерева у славян – ствол с тремя веточками. Такие родословные деревья вышивали красными нитями по белому полотну судьбы-полотенца и вывешивали как обереги над окнами, портретами родственников. При этом на дереве сидели птицы, которые являются посредниками между миром живых и миром предков.

Образ дерева – одно из величайших изобретений человечества и является одним из самых универсальных символов его духовной культуры.

В мифах многих народов мира часто присутствуют два центральных де-

рева: Древо жизни и Древо познания добра и зла. Если человек научится понимать основы жизни, то тогда он сможет разделять добро и зло.

Наиболее известный образ Древа жизни представлен в книге Бытия: «И произрастил Господь из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла». Адам, несмотря на запрет, данный ему Богом, поддался на соблазн лукавого и выбрал путь познания. «Будете, как боги, знающие добро и зло», – сказал ему змей-соблазнитель (Быт. 3:5). Выбор этого пути стал самым страшным искушением, и Адам был изгнан из рая, вход в который для него теперь был закрыт навсегда.

Еще с древности деревья были связаны с богами и с мистическими силами природы. Каждый народ имел свое священное дерево, с его особенностями и свойствами, основанными на природных, а иногда и на оккультных качествах.

В скандинавских мифах это дерево Иггдрасиль, название которого звучит как «конь Игга», то есть конь Одина, по которому божественный шаман (Один) странствует из одного мира в другой.

Это дерево, по которому взбираются сибирские шаманы, навещая страну духов.

Дерево жизни Байтерек (тополь) в тюркской мифологии корнями удерж-

живаает землю, а верхушкой подпирает небо. Каждый год в его кроне священная птица Самрук откладывает золотое яйцо – Солнце, которое проглатывал дракон Айдахар, живущий у подножия дерева жизни, что символически означает смену лета и зимы, дня и ночи, борьбу добра и зла.

Корни Древа жизни, или Мирового древа, глубоко проникают в подземный мир. Его ствол, словно мост, протягивается от Земли к Небу. Его ветви достигают небесных сфер, где живут боги и звезды. Дерево связывает в единое целое три главных мира – царство Богов (крона), царство людей (ствол) и подземный мир – царство духов (корни); является центром Вселенной, осью Мира, связующей дорогой между царством Богов и царством духов.

Обожествление, поклонение, почитание деревьев встречаются практически у всех народов и восходят своими традициями в далекое прошлое. Все древние цивилизации мира прошли через веру в так называемое «Мировое древо» или «Древо жизни», «Древо рода» – символ всего живого.

К примеру, в поэме XIII века Кул Гали «Кысса-и Йусуф» («Сказание о Йусуфе») основатель рода Йакуб отождествляется с раскидистым высоким деревом, а его двенадцать сыновей – с двенадцатью его ветвями.

Упоминание о «Древе рода» встречается в литературе разных народов. Например, в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день...» люди, узнав о смерти единственного сына героя, утешают: «Ветка обломалась – не беда, главное, чтобы ствол чинары остался цел», где сын – обломившаяся от ствола – отца и матери – ветка.

Башкирский писатель Мустай Карим в повести «Долгое-долгое детство» вспоминает старый дуб,

росший рядом с его домом, и отождествляет его со стволом жизни своей семьи: «... но дерево уже не дерево, а моя Старшая Мать... незыблемый ствол этой жизни, и потому стоит она спокойно и надежно, будто неведомы ей печаль и страдания, старение и смерть, только мягкая улыбка на лице...».

С Древом жизни поначалу стали отождествляться наиболее старые, величественные деревья, растущие непосредственно рядом с человеком и доступные для поклонения. С течением времени поклонение деревьям приняло другую форму: в разных культурах разные представители флоры стали претендовать на звание священного дерева.

По В.Е.Борейко, дерево могло получить статус «святого» благодаря следующим факторам:

- оно находится у другого «святого» объекта природы – у «святого» источника, реки, горы, скалы, камня. Такие деревья произрастали до проявления святой силы родника или камня, но зачастую специально высаживались у него;
- связано с каким-либо конкретным религиозным или историческим событием: явление Бога, Богородицы или ангела, просветление ученого, подписание важного договора, победоносная битва и т.д.;
- исцеляет телесные болезни и духовные недуги;
- расположено или посажено в святом церемониальном месте, где происходят чтение молитв или другие виды религиозного общения (деревья у храмов и монастырей);
- посажено около захоронений праведных людей, многие из которых завещали похоронить себя у дерева. Иногда дерево сажалось на могиле после смерти почитаемого человека и с ним общались, как с душой умершего человека;

• выделяется среди других деревьев большим размером, преклонным возрастом, необычной формой (сросшиеся или раздвоенные стволы и т.д.) или произрастает на недоступных местах (на вершине скалы, на одиноком островке и т.д.).

Многочисленные античные источники (Гомер, Геродот, Теофраст, Плутарх, Павсаний и др.) свидетельствуют о том, что, начиная с VIII века до н.э., в каждом греческом святилище было свое чтимое дерево, вокруг которого развивался культ. У всех деревьев было свое месторасположение: ива в святилище Геры на о. Самос, дуб Зевса в Додоне, лавр Аполлона в Дельфах, платан Менелая в Аркадии и другие.

У многих европейских народов (греков, римлян, германцев, кельтов и др.) священным деревом был дуб.

Известно, что русские купцы после трудных плаваний приносили жертвоприношения огромному дубу – «они приносят живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные кладут куски хлеба, мяса».

Немало древнеславянских мифов существует про дуб на острове Буяне, в ветвях которого живут Солнце, Месяц и звезды, а у его корней – Змей. Это дерево олицетворяло собой единство и взаимодействие всех трех времен: прошлого, настоящего и будущего.

Иногда же опорой всей земли славяне считали и березу, о чем говорится в старинном заговоре: «На море, на Океане, на острове Буяне, стоит белая береза вниз ветвями, вверх корнями...».

Для многих древних народов, считающих, что ель пользуется особым расположением Солнца, которое разрешает ей оставаться всегда зеленой, дерево было священным и символизировало храбрость, смелость, дерзость, долголетие, бессмертие, величие духа.

У древних германцев ель считалась деревом мира. Они верили, что в ее ветвях обитает добрый дух лесов – защитник всего живого. Не случайно перед сражениями воины собирались на совет именно у ели, надеясь получить ее помощь.

Со временем возник обычай задабривать добрых духов, которые зимуют в вечнозеленых ветвях ели, украшая ее пушистые лапы подарками. Этот обычай родился в Германии, а позднее обряд почитания ели заимствовали голландцы и англичане.

Современная новогодняя елка с нарядными украшениями – это остаток традиции поклонения священному дереву, на которое в качестве жертвоприношения вешали кусочки ткани, ленты и т.п.

Во многих древних культурах священное дерево могло представляться в виде столба или идола. Поэтому в некоторых чувашских обрядах жертвенную пищу было принято выливать у столба ворот, как бы заменяющего священный столб или дерево, которое в древности было в каждом чувашском дворе или поселении.

Елена Блаватская, описывая происхождение и эволюцию человека в своей «Тайной доктрине», приводит примеры, что ясень служил Мировым деревом у скандинавов, черный кипарис был Мировым деревом Мексики, пихта считалась священной в Египте, пальма до сих пор считается священной у иудеев, священное Древо жизни у православных христиан – верба. Недаром именно она является символом Вербного Воскресения и украшением Пасхи.

По представлениям предков татарского народа, на ветвях священного дерева сидят божества. Этому дереву приносили жертву, приходили к нему за помощью и советом. Вероятно, поэтому, по мнению Р.Х. Шаряфетдинова, на татарских кладбищах вы-

саживают большое количество деревьев, т.к. считается, что они, шелестя листьями, восхваляют Аллаха. «Агач башы тэсбих итэ» – «вершина дерева восхваляет Всевышнего».

Помимо одиночных «священных» деревьев часто встречаются целые «священные» рощи, охраняемые по различным религиозным мотивам. Такие рощи могут приравняться к божествам, обеспечивать убежище духам, защищать освященные места, кладбища. Иногда они обретают святость от священных источников или камней, которые они защищают, от целебных свойств местности. Особым видом «священных» рощ являются леса, окружающие культовые постройки – церкви, храмы, монастыри. В таких лесах запрещалась любая хозяйственная деятельность: не разрешалось охотиться, собирать грибы, ягоды и хворост, косить траву, пасти домашний скот. Их охраняла специальная стража, разрешая доступ лишь жрецам, но и то – в определенные дни. Леса служили местом для молитв и размышлений, являлись своеобразной оградой между храмом и остальным миром.

Как «священные» рощи, так и «священные» одиночные деревья являлись абсолютно неприкосновенными, заповедными объектами. У многих народов запрещалось даже попадать под его тень! За сорванный лист или срубленный сук человек мог лишиться жизни, а за срубленное дерево проклятье падало на весь род святотатца.

В Крыму, на территории старинного кладбища Чуфут-Кале, растет старая дубовая роща Балта-Тиймэз, что дословно можно перевести, как «топор не коснется». Это национальная святыня караимов, к которой этот немногочисленный народ относится с религиозным трепетом и огромным почтением.

На протяжении нескольких столетий караимы поклоняются у «священных» дубов небесному божеству Тенгри, что является языческим пережитком, унаследованным ими от своих хазарских предков. В роще растет двадцать четыре дуба, самый большой из которых имеет окружность ствола двести семьдесят сантиметров (при высоте десять-двенадцать метров). Около полутора десятков дубов огорожены изгородью из сухих веток – считается, что для исполнения сокровенного желания нужно, загадав его, положить ветку в изгородь – тогда желание непременно сбудется.

Обряд поклонения святым дубам доступен только узкому кругу людей, которые не любят внимания посторонних. Особенности ритуала, связанные с многолетней цикличностью, известны только посвященным и общаются накануне доверенным хранителям традиции, часто по женской линии.

Считается, что общение с дубами дает силу, мужество и мудрость, помогает в трудных обстоятельствах, позволяя выбрать правильное решение, получить совет от своих предков.

Паломники оставляют у дубов посохи и землю со своей родины, с собой же уносят по горсти священной земли. Ее бережно хранят в семьях, в качестве талисмана берут с собой в дальние поездки, используют в похоронном обряде, приносят на могилы предков.

Караимы искренне убеждены, что их судьба зависит от отношения к этой святыне. Верят, что тех, кто проявит неуважение к дубам, постигнет кара, а осквернителей святынь ожидает национальная кровная месть.

У каждого народа было свое священное дерево, которое имело свои особые достоинства, флюиды, свойства, отражающие различные аспекты сокровенной жизни природы. Сим-

волика каждого конкретного дерева во многом определяется его породой. Так, дуб является символом мощи и долголетия, персик – бессмертия, олива – мира. Пальма, пальмовая ветвь издавна является знаком победы, осина – предательства, а кипарис – эмблемой смерти и печали.

В революционную эпоху в качестве народного символа завоеванной свободы, надежды и преемственности были выбраны дуб и тополь. Оба эти дерева являлись своеобразными общественными памятниками, охраняемыми законом, у подножия которых крестьяне сжигали помещичьи ценные бумаги, под их ветвями подписывались важные документы и произносились гражданские клятвы.

Тополь аристократически строен и прям, его статность, устремленность ввысь являются отличительной чертой этого дерева, о происхождении которого существует немало красивых легенд.

Одна из них гласит, что прекрасная нимфа-океанида Левка, которую полюбил и похитил Аид, увезя в свой подземный мир, после своей смерти была превращена безутешным возлюбленным в белый тополь, растущий в Элизии, в той части загробного мира, где всегда стоит весна.

Согласно Павсанию, спартанскому полководцу, тополь занес из Эпира в Грецию Геракл, а по римской легенде, герой украсил голову ветками тополя после того, как убил великана Какоса в его логове на Авентинском холме в Риме. Ото лба Геракла исходил такой жар, что изнанка листьев побелела.

По другому мифу тополь попал за землю благодаря Гераклу, когда он вышел из подземного царства Аида с венком из тополиных листьев. Дым закопчил верхнюю сторону листьев, а потом высветлил нижнюю.

Еще одна древнегреческая история повествует о том, что боги превратили в тополь плачущих по убитому брату

нимф, поэтому листья у тополей всегда грустно шелестят.

В Китае листья тополя, верхняя и нижняя стороны которых имеют разный цвет, символизируют Инь и Ян, лунное и солнечное, дух и материю, Бога и Дьявола, а также все прочие дуалистические пары.

Если во время поездки по пустыне верхом уйгурам случилось увидеть дерево, то они обязательно слезали с лошади и совершали поклонение ему.

В наши дни одно из самых почитаемых и посещаемых мест в республике Калмыкия – одинокий тополь Пурдаш-багши, растущий среди степи. По легенде, в начале прошлого века монах Пурдаш-багши Джунгруев совершил паломничество в Тибет и привез оттуда в своем посохе семена дерева. По возвращении домой с молитвами посадил он этот посох в землю, и вырос тополь, который стал священным местом для калмыцких буддистов.

Образам деревьев важная роль уделялась не только в устном народном творчестве, но и в литературе, особенно, русской, что связано с природными факторами, и с народными традициями, и с культурой.

Наука о фольклоре выдвинула теорию, что в основе поэтических представлений о дереве лежит образ священного Мирового древа, организующего своими корнями и ветвями структуру мироздания. И в произведениях русской поэзии дерево часто выступает как система пространственных, временных и духовных координат, соединяющих небо и землю, верх и низ, правое и левое, все стороны света, является своеобразным символом памяти о прошлом и надежды на будущее.

По мнению известного литературоведа М.Эпштейна, на первом месте, безусловно, находится береза, образ которой раскрывается в 84 стихотворных произведениях (из рассмотренных около 3700, посвященных при-

роде). Далее, в порядке убывающей частоты, следуют: сосна – 51, дуб – 48, ива – 42, ель и рябина – по 40, тополь – 36, клен и липа – по 30. Другие деревья описываются гораздо реже: осина и пальма – 7, кипарис – 6, верба, бузина, вяз, кедр – по 5.

Количественное соотношение разных «пород» менялись от эпохи к эпохе. Поэты первой половины XIX века, например, Пушкин, чаще обращались к дубу и сосне, и лишь со второй половины столетия – от А.Фета и Н.Огарева – начинается поэтический культ березы, достигший кульминации у С.Есенина.

Михаил Эпштейн предполагает, что, пожалуй, впервые образ тополя возник в стихотворении А.Григорьева «Тополю» в 1847 году. С «беззаботно-кудрявой главой» тополь у Григорьева «и строен, и прям» и молится «ночным небесам». У В.Г.Бенедиктова: «Тополь ростом горделивым измеряет небеса». У А.К.Толстого тополь тоже возносится в заоблачную высь: «Воспрянь и подымись трепещущим столбом, вершиною шумя в эфире голубом!». А.Фет восторженно пишет, что тополь:

*Всё грезит в вышине,
и ставит лист ребром,
И зыблет, уловя денницы
блеск прощальный,
И чистым золотом,
и мелким серебром.*

Поэтов XX века неожиданно привлекла королевская осанка тополя, таинственный шелест его листвы, переменчивая окраска и горький запах его листьев:

*И тополи попеременно
босые ноги ставят в снег, скользя,
шагают, как великие князья, —
как будто безнадежно, но надменно.*
(Б. Окуджава)

*Изнанка листьев такова,
Что нет красивей тополиных
Рядов серебряных, старинных,
Чья ветром вздыблена листва.*
(А.Кушнер)

*Тополь, сверху озаренный,
Перед домом вознесенный,
Весь из жидкого стекла
В чащу темную глядится
Круг зеркально-золотой
Тополь льётся, серебрится,
Весь трепещет и струится
Стекловидною водой.*
(И. Бунин)

*Теперь не надышишься
крепью густой.
А то, что у тополя
жилы полопались, —
Так воздух садовый,
как соды настой,
Шпучкой играет
от горечи тополя.*
(Б. Пастернак)

Стройный, вытянутый к небу гордый тополь, шелестящий трепещущей мелкой листвою на ветру, задумчиво покачивающий верхушкой от сильных порывов, является олицетворением стойкости, мужества и веры – не случайно он становится одним из любимых образов известного татарстанского писателя Рустема Кутуя.

Произведения его, и проза, и стихотворения, никого из читателей не оставляли равнодушным. В них он создал необыкновенный поэтический мир, в котором путь человека лежит по едва заметной черте между бытием и небытием, жизнью и смертью, радостью и печалью. Любая подробность дает читателю возможность проникнуть в душу автора, в котором необыкновенное количество пережитых и осмысленных остановленных мгновений, мыслей, чувств, ощущений.

«У него в руках нечто вроде волшебного фонаря, зажигая который, он неотрывно ждет, когда узкая полоска света, преодолев пространство прожитых лет, вновь оживит, как на экране, зримые образы и волнующие близкие голоса тех, с кем не пришлось договорить», – писала о нем журналист О.Стрельникова.

Мир Кутуя был неповторим. Неповторим и потому узнаваем, как это ни парадоксально. Узнаваем, но непредсказуем. Даже те, кто лишь поверхностно был знаком с творчеством Рустема Кутуя, прочтя любое его произведение могут сказать: это Кутуй! Причем, эта самая неповторимость не была для него самоцелью. Он к ней не стремился, даже, наверное, и не задумывался об этом. Книги его похожи на него самого. Это, между прочим, случается далеко не со всеми. Верность самому себе дается непросто.

«Я буду считать жизнь удавшейся, если после меня останется одна большая, добротная книга рассказов, выверенная временем, цельная по близости к человеческой мечте, и плотный томик стихов. Я пишу только эти две будущих книги, а когда минет срок собрать их, как завещание, я почую», – делился планами писатель.

За семьдесят три года жизни Рустем Кутуй издал около пятидесяти книг прозы и поэзии, но собрания своих сочинений выпустить не успел. В последние годы он мечтал об издании двухтомника. И название ему дал: «Белое пламя лунного тополя».

Тополь – это один из устойчивых, пожалуй, самых любимых образов писателя. Автор сравнивает его с кораблем двора, находит для дерева поэтические определения: «лунный тополь... морозно светел», он «струится ввысь великолепен», уходит «ввысь трубой». «Взвихренные мятежно» листья тополя он сравнивает

с дымом, который ветер подбрасывает вверх «как яблоки».

Трепетание тополиных листьев создает непрерывно меняющуюся окраску, словно само дерево то светлеет, то темнеет, благодаря тому, что листья тополя имеют двойную структуру: снаружи листья блестяще-зеленые, будто отполированные, с внутренней стороны – матово-серебристые. Постоянное трепетание листы, открывающей то темную поверхность, то светлую изнанку, указывает как бы на двойственность самой жизни, на то, что изнутри она радостнее, светлее, чем снаружи.

Струящееся серебро тополя и золото луны зеркально отражаются друг в друге и создают невероятный эффект горящей в небе свечи:

*Час осени... Приходит дивный час.
Стихает ветер, и за красной баней
Высокий тополь – чистая свеча –
Струит негаснущее пламя⁸.*

Лунный тополь для Рустема Кутуя не просто поэтический образ – это волшебное дерево, которое, как машина времени, переносит его в прошлое.

Стоит только ему закрыть глаза, потереть рукой старую шершавую кору, прошептать сокровенные слова, и он снова возвращается в старый двор на улице Комлева:

«Старый тополь рос на нашем дворе, морщинистый, одинокий. Умирали ветви, оставляя листья земле, но из древесной мощи выходили новые зеленые лезвия с клейкими листочками и горькой корой. Погибшие сухие сучья срубали, но тополь продолжал жить в какой-то мучительной, непостижимой жажде устремления вверх к сияющим небесам».

Тополь встречал Рустема каждое утро с самого его рождения, здоровался, подрагивая веточками, вытягивался вверх. В пору весеннего цветения от

его клейких почек исходило горьковатое благоухание. Дерево было словно живое существо – к нему Рустем прибегал в трудные моменты и в минуты радости, во время принятия серьезных решений и в минуты печали:

*Доверься тополю.
И пальцы перемазав
Зеленым клеем, напиши пером
Того, чего нашепчет разум.
Не вырубил подвоя топором.*

Рустем Кутуй словно срастается с тополем. Он чувствует свое родство с ним, ощущает себя его ветвью, начинает шуршать листьями, и у него получается! Тополь отвечает Рустему на зов и подкрадывается к нему поближе, цепляясь ветвями за раму.

«– Наклонись ко мне, дерево! – прошу я. И оно покорно скользит по стеклу...»

Ночью он точно ощупывает стену дома, протягивается во всю ширь. Должно быть, думаю я, ищет пути ко мне – щели в камнях».

Жизнь своих героев Рустем Кутуй нередко связывал с жизнью тополя. Например, в рассказе «Старый тополь» по соседству с главным героем, Ильей, растет дерево, которое под своими корнями хранит тайну подземного хода. Эти старые корни намертво сплелись, как ржавые змеи. Они торчат из земли, а сквозь поросшую мхами шершавую кору выбивается клейкая молодая листва. Она тянется, как в молодости, к небу, выпуская молодые ветки с зелеными листочками. По утрам Илья здоровается с тополем: гладит рукой его бугристую кору, проводя пальцем по клейким от зеленого терпкого сока листочкам и вдыхая их запах. Тополь радостно встречает своего друга шелестом листвы. Но проходит время, умирает Илья. А следом умирает и тополь... Его безжалостно спилили, и просторный пень,

оставшийся жить на земле, еще долго бережно хранил свои годовые кольца. Они постепенно гасли, тускнели, уходя воронкой в глубину земли, забирая с собой старые тайны.

Так прервались нити, связывавшие человека и дерево.

Прошло время.

Давным-давно снесен старый флигель на улице Комлева, недалеко от которого жил композитор Александр Ключарев с сыном Эмилем, а на улице Гоголя – Фатима Ильская, артистка татарского театра – частая гостья в гостеприимном доме семьи Аделя Кутуя.

«Хорошая, светлая у нас была квартира, – вспоминал Рустем Кутуй, затягиваясь очередной сигаретой, – две комнаты, паркетные полы и печное отопление. Одна комната огромная, с двумя венецианскими окнами из цельного стекла, другая – метров двенадцать – папина рабочая... Моя старшая сестра Гульшат рассказывала, что наша семья жила очень скромно – излишеств никаких. Обстановка недорогая, из светлого дуба. Украшением комнаты был оранжевый абажур, от неяркого света которого в доме становилось тепло и уютно».

Нет уже и старого дворика его детства, где *«росли тыквы, огурцы, а напротив флигеля был разбит садик, где буйно цвела сирень, бузина, стояли грациозно мальвы».* Тогда, в далеком прошлом, здесь каждый вечер звучал аккордеон, крутили пластинки с песнями Л.Утесова и К.Шульженко. Высунувшись в окно, играл на саксофоне будущий академик – физик Эрик Дибай. Поднимая босыми пятками пыль, бегали по двору мальчишки во главе с будущим классиком Василием Аксеновым...

Выкорчеван огромный пень, на месте которого рос *«высокий тополь – чистая свеча».*

Но, воображаемый, он «*пронзает, охватывает все мое существо, стоит передо мной жив-невредим. Он пережил сам себя, отбросил обветшалую древность и превратился в некий условный символ, разгадывать смысл которого вряд ли возможно, не поранив коры жизни...*».

Воображаемый тополь, который долгие годы простирает свои ветви над целым массивом жизни Рустема Кутуя белым восходящим пламенем листьев, до сих пор живет в его произведениях, став своеобразным символом творчества писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айтматов Ч.* И дольше века длится день... – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 480 с.
2. *Борейко В.Е.* Лесной фольклор. Древа жизни и священные рощи. – Киев, 2000.
3. *Борейко В.Е.* Эссе о дикой природе. – Киев, 2000.
4. Блаватская Е. Тайная доктрина, т. 2. – Москва: Эксмо, 2005.
5. *Карим М.* Помилование. Повести / Пер. с башкирск. И. Каримова. – Москва: Дружба народов, 1999.
6. *Кифишина О.А.* Священное древо: от Востока к Греции. Эволюция образа. Преподаватель XXI век. – 2008. – №1. – С. 171–176.
7. Кул Гали «Кысса-и Йусуф». – Казань: Таткнигоиздат, 1985. – 251 с.
8. *Кутуй Р.* Книги. Лист земли. – Москва: Современник, 1980. – С.176.
9. *Кутуй Р.* Страна моя – детство. Рассказы и повести. – Москва: Советская Россия, 1978. – С.16.
10. *Кутуй Р.* Песня вечерняя. – Казань: ТКИ, 1993. – С. 63.
11. *Кутуй Р.* Узелки на древе. Такая жизнь. – Казань: ТКИ, 1986. – С. 85.
12. *Кутуй Р.* Белое пламя лунного тополя // Казань. – 1993. – №1. – С. 14.
13. Леквиевская Е. Мифы русских народов. – М.: Астрель АСТ, 2000.
14. *Топоров В.Н.* Древо жизни. Мировое древо // Мифы народов мира. – М., 1980.
15. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. – М., 1936.
16. *Шаряфетдинов Р.Х.* О мотиве «Древа/Дерева» в контексте тюркских литератур. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы филологии народов Поволжья». – М. – Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 281–282.
17. *Эпштейн М. Н.* Природа, мир, тайник Вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии /М. Н. Эпштейн. – Москва: Высшая школа, 1990.

Аннотация

Статья посвящена мотиву священного дерева в литературе и отражению его в творчестве известного татарстанского писателя Рустема Кутуя.

Ключевые слова: Древо жизни, Мировое древо, священное дерево, священная роща, тополь, Рустем Кутуй.

Summary

The article is devoted to the motif of a sacred tree in the literature and its reflection in the work of Rustam Kutuy the famous writer of Tatarstan.

Keywords: tree of life, world tree, the sacred tree, the sacred grove, poplar, Rustem Kutuy.